

Ф. 627

оп. 2

д. 69

Ремизов, Алексей Михайлович

"Семон" (к картины Гзрубеля) - его стихотворения

и переписанные его рукою стихотворения (4);

"Забывшие слова" Курочкиной, Александров;

"Бумажки, думано - все передумано!..." - Карпинского, Власова;

"Надвигается с моря туман"... и "Медленные строки" Мейергольца;
Васильева Эмильевича.

л. л. 9 (100 в)
пр. 6

1901-1903, 22.

(ко картина Врубелъ)

Ночь болничюю, темную, душною гвурью мира коснулась,
лики земные дыханіемъ тусклымъ покрывла.

Зданія сплщія, башни зорко-толщилися тюрьмою, дворцовъ
и скитовъ безгрезною, блѣдною тишью завлажны.

Не услышатъ, не пронзятъ стукомъ сердца моего.

Оно бьется, оно рвется, оно стонетъ.

Не услышатъ...

Въ окобахъ заботъ люди застыли, въ кошмарахъ зады-
хались нужды, нищеты.

И ржавое звяканье тѣсныхъ молитвъ завистливыхъ
скорбно ползетъ дымою несчастныхъ по крышамъ.

А судьба могилы ужъ роетъ и люльки готовитъ
и золото свѣтитъ и золото грабитъ.

Не услышатъ, не пронзятъ стукомъ сердца моего.

Оно бьется, оно рвется, оно стонетъ.

Не услышатъ...

Полночь прошла.

Изнемогая въ предутреннемъ свѣтѣ, брава устало несетъ.

Мнѣ же, незримому здѣсь въ этотъ часъ, жутко и холодно,
жутко и холодно.

Оттого не могу въ молитвахъ родному и равному,
но изъ царства иного?

Царство мое — одиночество — одиночье, глубже.

Люди и дѣти и звѣри лишь проходятъ,

лило съ проклятьемъ и страхомъ.

Я въ волны бросилъ, въ волны разныя, земныя.

Ты лишь скажи, ты не забыла, ты сохранила
образъ мой странный и зовъ мой, зовъ въ поцелуя?

Да, сохранила, я знаю...

И ушелъ съ плачемъ глухимъ въ шлюпу сердце мое.

А мое разрывалось...

Такъ въ страсти, любви къ страсти, любви прикасалъ,
— я отравляю.

Даже и тутъ одинокъ: слышу тоску и изъясню и холода
въ радкихъ и долгихъ лобзаньяхъ.

А сердце мое разрывалось.

*

Алиъ ризы утреннихъ зорь загорались.

И черныя волны морей въ пурпурныхъ зрѣнкахъ затьнулись.

Устали прилегли вы, люди, къ седымъ пескамъ

чувствень своихъ повседневныхъ,

ищете звонкихъ ключей въ камняхъ стальныхъ,

въ мезги, облекаетесь въ мутныя, блѣкловыя!

У меня есть пьсьми!

Хоры пьсьми истомленныхъ, лишныя я неси въ тайна, молча!

Ливнемъ звуковъ мѣръ кролю!

Слышите голоса мой — кильните слѣзное?...

Затаились, молчите въ заботахъ, въ невзгодахъ.

Алиъ ризы утреннихъ зорь кровью озялись.

Царство мое — одиночество — еще углубилось,

словно Золото облачныхъ перьевъ крылатою бронью

заставило путь между мною и вами.

Так влажно, всю мою жизнь...

А кто-то живет, не жалея, надеясь и зрясь и на меня!

Так влажно, всю мою жизнь,
влажно желать безотвратным желанием,
Скорбь, гладыш и тошнота.

Восторг и тоска!

Тоска безпросветная, горькая
и одинокая...

Александр Ремизов

Вологда, Желвунцовская д. №26

Алексию Михайловичу Ремизову.

- Я что-то забыла... я что-то забыла сказать, - повторила она растерянно, с выражением острого, безумного страдания в глазах, стоя передо мной, гелеваком, сидевшим на тюревной койке.

Она уцепилась за плечо, туло смотрела, как же она тоскала и болала себя пальцы, и молила.

- Господа, похитас прошло, пора прощатся, - небрежной скороговоркой произнес надзиратель.

- Я что-то забыла себя сказать... я что-то забыла...; криво повторила она с судорогой отчаяния в груди.

Она приподнялась и прищуренными мутилками от боли глазами смотрела на дорогу, изтерзанное мутой лицо.

- Я что-то забыла... еще раз добавила она совсем уже повисшим голосом.

- Ну что? Ну что? прошептала она, как шептует больному ребенку, и положила руку ей на плечо.

И с новой силой, с новыми порывами ужаса она воскликнула:

- Да впрямь я что-то хотела сказать! Я забыла что... забыла! На что что-то сказать!

Она беспроталала и горала.

Она горько-горько улыбнулась.

- Мой друг, таких много слов. Нет еще слов таких... не могу...

Они проступались.

За ней уже с грохотом захривелись железные двери, за ней безощадно звенели замки, а она все еще повторила шепотом:

- я что-то забыла сказать....

Через мгновенье она умерла.

Когда ей сообщили о смерти, она с искаженным лицом заключала, терла сознание:

- Я забыла слу что-то сказать!

Придя в себя, она снова пришла, напрягал память и содрогалась мысль существовать, искала слова, как же она хотела ска-

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Зать ему тогда, казалось ей, что все отъ нихъ зависело, что самую смерть его она могла предотвратитьъ этими забытыми словами.

Она жила въ бреду, ничего не понимая, все думая объ одномъ.

Мой другъ, такихъ пять словъ - всплывала къ ней.

Затѣмъ она такъ сказала: "Они должны быть! Безъ нихъ дальше жить нельзя! Они должны быть... она найдеть ихъ... Она не будетъ плакать... никто пусть не плачетъ... жалоба не нужно..."

Она найдеть слова, такихъ друзей, такихъ сильныхъ, такихъ властныхъ, что передъ ними падуть все цари и презрады, что въ нихъ со-
дѣются стѣны всякъ отторгнутыхъ отъ жизни, что или возродятся
все свѣтлыя порывы человека, смѣллыя, порывающыя и
оскоропеллыя!!!.....

Ее отвезли въ кельяницу для душевно-больныхъ

Александра Курицина

1902

Великий Новгород

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Думано, думано — все передумано!
 Хотя никаких уже больше мыслей.....
 Дни безконечные гнутся, гнутся.....
 Хотя конца вереница ногей.

Пути ли хмурые по небу несутся,
 Солнышко ль каску горластую шлеп —
 Та же нора полутемная, тусная
 Давить на сердце и мысли гнетель

Трижды провозвонил молганьем трагическим
 Сдавлены силы живые во мне,
 Сердце энз острившее вращать тоскливое
 Вою осеннего ветра во окно.

И беззащитных страсти горьких
 Скованы ходоком стель энз давно,
 И безмокрой крыль разбитых
 Мысли безпомощно бьются во окно....

Вячеслав В. Карпинский. (Ступень)

1902

осень.

Т.

(Харьков)

Н. Ф. Ш.
 Не ~~забыл~~ ^{забыл} ~~я~~ ^я ~~дикое~~ ^{дикое} ~~и~~ ^и
 Знаете шутка не было!

Надвигается со моря туман...
 Дует ветер... Погухи огни...
 Город спит. И не спит лишь лютань,
 Там толпы народа, снаряжая ладьи.

Одинокому болено и скучно:
 Радошь ветры и ласка далека.
 Одинокому мрачно и душна:
 Болено жить. О, кака боль велика!

Всеволода Мейерхофера

1901

Весна
 по пути в Кензу.

Медленные строки

(посвящ. Н. Ф. М.)

Темная ночь.... Огоньки надъ дорогой....
 Вилысты - не вилысты, какъ прежде, они:
 Каждая мысль его кажется ей такъ убогой,
 Какъ убоги - безвильсты, безсилыны - огни,
 Что томится на небе безлунномъ.
 Кто-то холодно молвила: „какъ дико... не пово....
 Там-то плеснь прозвучала... Ни слова.

Страшная ночь. Она ушла навсегда,
 Полный любви и безумства волненія
 А она.... будетъ ночь, величинаго иногда,
 Пусть слышась его, позла мугенія
 Какъ слышась дружил, не льбы никогда.
 Там-то плеснь прозвучала... Заглым?
 Не она ли сказала: „Крошайте!“

Всесоюзный Мецгерголер (Врѣмя)

душныя, знойные дни.

Лето

1901.

(Лента)

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Павлу Елисеевичу

Щеголеву

А. Раммел
ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН